

Боевые псы не пляшут

Автор:

[Артурос Перес-Реверте](#)

Боевые псы не пляшут

Артурос Перес-Реверте

Novel. Серьезный роман

«Боевые псы не пляшут» – брутальная и местами очень веселая притча в лучших традициях фильмов Гая Ричи: о мире, где преданность – животный инстинкт.

Бывший бойцовский пес Арап живет размеренной жизнью – охраняет хозяйский амбар и проводит свободные часы, попивая анисовые отходы местной винокурни. Однажды два приятеля Арапа – родезийский риджбек Тео и выставочный борзой аристократ Красавчик Борис – бесследно исчезают, и Арап, почуяв неладное, отправляется на их поиски. Он будет вынужден пробраться в то место, где когда-то снискал славу отменного убийцы и куда надеялся больше никогда не вернуться – в яму Живодерни. Однако попасть туда – это полдела, нужно суметь унести оттуда лапы.

Добро пожаловать в мир, в котором нет политкорректности и социальной ответственности, а есть только преданность, смекалка и искренность. Мир, в котором невинных ждет милосердие, а виновных – возмездие. Добро пожаловать в мир собак.

Артурос Перес-Реверте никогда не повторяется – каждая его книга не похожа на предыдущую. Но в данном случае он превзошел сам себя и оправдал лучшие надежды преданных читателей.

Лауреат престижных премий в области литературы и журналистики, член Испанской королевской академии с 2003 года и автор мировых бестселлеров, Артурос Перес-Реверте обычно представляется своим читателям совсем иначе: «Я – читатель, пишу книги, которые мне самому было бы интересно читать». О чем бы он ни вел рассказ – о поисках затерянных сокровищ, о танго длинной в

две жизни или о странствиях благородного наемника, по страницам своих книг он путешествует вместе с их героями, одновременно с читателями разгадывая тайны и загадки их прошлого.

Артурос Перес-Реверте

Боевые псы не пляшут

Arturo Perez-Reverte

Los Perros Duros no Bailan

Copyright © 2018 Arturo Perez-Reverte

© 2018; Penguin Random House Grupo Editorial, S.A.U.

© Betacam-SP / Shutterstock.com

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящается Сомбре, Моргану, Мордаунту, Шерлоку, Румбе и Агате

С тех самых пор, как я обрел достаточно силы, чтобы разгрызть кость, снедало меня желание высказывать все, что сберегла моя память.

Мигель де Сервантес. Разговор собак

Водопой Марго

Мой хозяин ошибался, полагая, что я дерусь за него. Всюду и всегда я дрался за себя самого. В силу происхождения и по складу характера я – прирожденный боец: в те времена, о которых пойдет речь, во мне было пятьдесят килограмм весу и семьдесят четыре сантиметра в холке, а в мою клыкастую пасть поместилась бы детская голова. Я метис – плод скрещивания испанского мастифа и филы бразилейро. В бытность мою щенком носил ласковую и забавную кличку, какие дают новорожденным песикам-собачкам, однако слишком много воды утекло с той поры. Прежнее имя я позабыл. И уже давно зовусь Арапом.

Гончий пес Агилюльо[1 - Агилюльо – поденко (podenco), то есть относится к старинной испанской породе охотничьих собак. Хотя Международная кинологическая ассоциация (МКФ) поместила поденко в группу «Шпицы и породы примитивного типа», эти высокие, легконогие, до худобы изящные собаки соединяют в себе черты борзых и гончих. Спор – относить ли собак породы поденко к борзым или гончим – занимает специалистов уже не одно столетие и даже нашел свое отражение в басне «Два кролика» выдающегося испанского поэта и комедиографа Томаса де Ириарте (1750–1791).] – существо слабосильное, но образованное и с философским складом ума – уверяет, что я рожден для боя и моя гладиаторская родословная уходит во тьму времен. По всему судя, мои предки потрошили в горах волков и медведей, а в Колизее – львов, сопровождали римские легионы и рвали варваров в германских лесах и дунайских плавнях, травили индейцев на Карибах и чернокожих беглых рабов в амазонской сельве. Такой вот, брат, у тебя куррикулум, то бишь послужной список, говорит Агилюльо. И, наверно, оттого – от того, что столетиями фатально обречены мы проливать кровь – у собак моей породы со щенячьего возраста глаза глядят со старческой покорностью судьбе, и душа вся в рубцах да шрамах. Человек сделал нас убийцами или вроде того. И мы это знаем.

– Привет тебе, Арап.

– Привет, коллега.

– Как насчет того, чтобы полакать анисовой?

– Когда же я отказывался от такого?

– Так пойдём.

Это Агилюльфо первым сказал мне об исчезновении Тео и Красавчика Бориса. В ту ночь я, как обычно, отправился к Водопою Марго, соседствующему с винокурней, которая сливает отходы своего производства в реку, и сидел там, время от времени лакая из желоба, и раздумывал о том о сем, о многом, да ничего особенного не надумал.

В последнее время мне вообще думать все труднее. Голова у меня уже не та, что прежде. Безостановочно крутятся в ней мысли и воспоминания, бередя давно затянувшиеся раны на морде, на лапах и на спине, отчего они будто открываются и кровоточат. Старею, наверно. У нас, у собак, это быстро происходит.

– О чем задумался, Арап?

– Не могу тебе объяснить.

Агилюльфо внимательно вглядывался в меня и явно беспокоился – и с каждой минутой все больше. В такие моменты – а они случались часто – я замирал, погруженный в думу, которая гвоздем сидела у меня в голове, а по всему телу начинали бежать мурашки странной дрожи. И виной тому были не года, а память. Не прошли мне даром два года собачьих боев, где я зарабатывал себе на пропитание: ну, все знают, что это такое – зарешеченная площадка ринга, чертова уйма потных горластых людей выкрикивают ставки, а два бойца с мутными от ярости глазами сходятся в поединке. Смертельном, спешу добавить, поединке – на не жизнь, а на смерть. Такое, сами понимаете, не забывается.

– Иногда мне кажется, будто тебя тут нет. Ушел куда-то.

– Может, и не кажется.

Агилюльо отпил из желоба и утер морду. Говорю же – культурный пес. Его хозяин собрал большую библиотеку и часто ходит в кино.

– Ты есть, а вроде и нет тебя, – веско подытожил он.

– Вот именно.

– Быть или не быть, как сказал бард.

– Кто? Кто такой бард?

– Понятия не имею. Мой хозяин так его называет.

– А-а.

– Вроде бы пьесы сочинял.

– Надо же.

Я то и дело вновь слышу крики людей, плавающих в табачном дыму, вижу тени убитых или покалеченных мной собак, чьи зубы оставили метки не только на моей черной шкуре, но, кажется, и где-то в душе, – и ощерившись, с негромким рычанием постепенно прихожу в себя. Марго-Аргентинка, фландрская бувье, которая служит при Водопое – убирает отбросы и полиэтиленовые мешки, отгоняет кошек и голубей, чтоб не гадили тут, – рассказывает, что, как накатит на меня, я начинаю драться с пустотой, будто ошалел или взбесился.

– В таких случаях, – говорит она обычно, – лучше отвалить и дожждаться, когда он уймется... Потому что Арап, когда он такой, ну просто зверь зверем. Сожрет живьем и не поморщится.

Агилюльо, пес многознающий и немало повидавший на своем веку, уверяет, что в мире людей мне соответствуют так называемые боксеры.

– Ну, знаешь, эти – малость тронутые оттого, что их много лупят по голове и укладывают мордами в брезентовый настил ринга.

Однако со мной такое происходило редко, а чтобы так кончалась схватка – вообще никогда. Уж поверьте мне, я за свои слова отвечаю. Когда бойцовый пес и вправду утыкается носом в брезент, карьере его, а зачастую и жизни – приходит конец. Если сильно порван – его без лишних слов добивают, а если еще может шевелиться – служит «грушей» для начинающих или, изувеченный снаружи и изнутри, сторожит дом, гараж, какую-нибудь замшелую посудину. Сходя с ума от жажды, одиночества и страха.

– Про Тео так ничего и не известно, – сказал мне в тот вечер Агилюльфо.

Я нагнулся к желобу, глотнул и, обремененный заботой, так и остался – опустив голову и в буквальном смысле развесив уши. Тео был моим лучшим другом. Был и, надеюсь, остался. Мощный, крепкий и серьезный пес породы родезийский риджбек, на такого можно положиться. Без него редко обходились наши вечера у Водопопя Марго.

– Я его видел здесь две недели назад, – сказал я Агилюльфо. – И ты тоже.

– Ну, видел. Ты ушел тогда, а они с Красавчиком Борисом остались. Лакали анисовую чуть не до вечера и толковали о своих делах. Потом их обоих видели в проезде Рата.

– Кто видел?

Агилюльфо с философским бесстрашием наблюдал, как по его правой передней лапе карабкается клещ.

– Сюзи.

– Потаскушка?

– Она самая. По ее словам, оба шли себе тихо-спокойно, повиливали хвостами.

– Больше ничего?

– Больше ничего. Один, говорит, такой изысканный, щеголеватый господинчик, а второй – здоровенный барбос. Она им гавкнула в знак приветия, они

поздоровались и дальше пошли.

- И даже не обнюхали ее?

- Не польстились, видно.

Я улыбнулся по-нашему, по-собачьи, то есть высунул кончик языка и фыркнул раза два-три: аф-аф-аф. Сюзи – это уличная собачонка, дворняжка беспородная, сучка безотказная. Имеет обыкновение торчать у проезда Рата в ожидании кавалера, и еще не было случая, чтобы не дождалась. Иногда чуть подрощенные щенки заваливаются к ней целой ватагой – не хочется говорить «сворой», – и она принимает всех скопом. Да, в былые времена пользовался ее милостями и я, как и все окрестные кобели, если не считать Руди – также известного как Жемчужинка, – изящного серого пуделя, который в ином хоре пел.

- И с тех пор, – продолжал Агилюльо, – никто их больше не видел. Ни про того, ни про другого ничего не слышно. И, по всему судя, Борис домой так и не вернулся.

- А Тео?

- Похоже, что и он тоже.

- Странная история.

- Вот и я про то. Он же всегда был верен своим привычкам.

Я помолчал. Тео жил и стерег сад у одной бедной и вдовой старушки, которая его за это кормила, то есть, как принято теперь выражаться, «работал за харчи». И любил валяться под натянутым на веревках бельем.

- Говорю же: давно его не видел, – сказал я, положив голову на лапы. – Да и когда виделись в последний раз, перебросились лишь парой-тройкой гавков.

Агилюльо еще полакал немножко из желоба и вытер морду о мой бок. Потом звучно отрыгнул, распространив вокруг анисовый дух, и повалился рядом. Будучи философом – его кредо было «облай самого себя», – он позволял себе в

моем присутствии некоторые вольности.

– Так вот, он тоже пропал. Я живу по соседству и потому заглянул к нему. Ни корм, ни вода не тронуты... А хозяйева Красавчика Бориса уже несколько дней назад расклеили на фонарных столбах и на деревьях объявления о пропаже. Ты разве не видал?

Я только мотнул головой в ответ. Наверно, от постоянных ночевок под мостом у меня в голове стоял какой-то странный гул. Всю неделю было мне как-то не по себе. Знать бы тогда, что худшее – впереди. И уже совсем недалеко.

– Вот погляди-ка, – сказал Агилюльо и лапой пододвинул ко мне измятую ксерокопию объявления, лежавшую на земле.

С другой стороны желоба подошла Марго, с любопытством уставилась в объявление.

– Даже на фотографиях эта дворняга выглядит потрясно.

– Это не дворняга, – с напускным безразличием уточнил Агилюльо. – Это борзой пес с золотистыми глазами. – И, помолчав, добавил насмешливо: – Русский псовый, кажется. Аристократ собачий.

Марго всхрипнула, обозначая пренебрежительный смешок. Хотя она была наполовину или даже на три четверти фландрской бувье, выговор у нее был как у портеньо – жителя Буэнос-Айреса. Певец, исполнявший милонги, который привез ее из Аргентины, вскоре не то помер, не то уехал куда-то, не то еще что, и Марго оставалась без призора и надзора, без приюта и уюта, покуда не обосновалась у Водопопя.

– Да брось ты, мы все дворняги. Мы потеряли свою породу, как только отбились от гордой и вольной волчьей семьи и стали служить людям. Так что – все мы дворняги. Дворняги и бедолаги.

Марго была – и есть – существо резкое, колючее, вечно пребывающее не в духе и к тому же – с замашками феминистки: никто из нас не мог бы похвастаться, что

хоть раз засадил ей. Однако имелись у нее, как у всех, свои слабости. И я, представьте, был одной из них. Меня она привечала, допускала к самой чистой и свежей части желоба, а когда мои демоны в очередной раз затуманивали мне рассудок, позволяла рухнуть там же и лизала мне морду и брюхо до тех пор, пока я не приходил в чувство – и в себя. После таких сеансов она, чтобы я не строил иллюзий, а за ними следом – и куры, день-два держала меня на расстоянии и, как говорится, в рамках. Сейчас мы находились именно в этой фазе.

– И тем паче в наши времена, когда повсюду царят крохоборство и алчность, – припечатала она, кося на меня глазом. – Когда каждый готов продаться за жалкую подачку. За какую-нибудь косточку.

– Ладно бы еще – за мозговую, – сострил я.

– Вот именно. Или продать за нее товарища.

– *Canis canī lupus*, – сентенциозно заметил Агилюльфо. – Пес псу – волк.

И посмотрел на меня со значением, поскольку был осведомлен о моем прошлом, я же отвел глаза, сделав вид, что рассматриваю фотографию в объявлении. На ней в самом деле был запечатлен Красавчик Борис во всем своем великолепии: длинная, чистая, шелковистая шерсть, узкая, вытянутая морда, надменные бархатистые глаза, отливающие золотом, поверх антиблошиного ошейника надет другой – из плетеной кожи исключительного качества со всеми мыслимыми бирками, свидетельствующими, что носитель его привит и от бешенства, и от чумки и вообще от всего на свете. Выхоленный породистый товарищ по собачьей доле.

«Пропала собака. Кобель. Отзывается на кличку Борис, – значилось в объявлении под фотографией. – Нашедшему гарантируется вознаграждение...» и т. д. Я не очень-то разбираюсь в человеческих цифрах, но сумма показалась мне из ряда вон – подстать ему самому, его хозяевам и всему, из чего состояла жизнь этого борзого кобеля, входившего в разряд тех избранных баловней судьбы, которые рождаются на шелковых подушках, вяжутся только с самыми родовитыми сучками и берут призы на конкурсах собачьей красоты, то бишь выставках, где принимают элегантные позы перед объективами фотокамер.

– Следует признать, – сказала Марго, тоже глянув на снимок, – что этот русский дылда очень хорош собой.

Я кивнул, не споря с очевидным. Кличка «Красавчик» прилипла к нему именно за красивые глаза, но не только за них: он получал медали на выставках и его время от времени скрещивали с роскошными длинноногими блондинками, каких увидишь только на страницах журнала «Псы и собаки» или в окошках лимузинов – Тео, впрочем, уверял, что таких в природе не существует, люди их создают в фотошопе. Да. В отличие от Тео, от меня и от всех нас Борис – прирожденный триумфатор, один из тех, кто, высоко держа голову и расправив плечи, шествует по тротуару на поводке у своих изысканных хозяев, и, чуть завидев его, любой плебей семейства псовых начинает беситься от злости. И шипеть сквозь зубы: «С-сукин с-сноб!»

Я оставался рядом с Марго до вечера – все думал и лакал из желоба. Ну, или пытался. «Пытался» относится к «думал». Дело все в том, что на судьбу Красавчика мне было наплевать с высокой колокольни, а вот с Тео дело обстояло иначе. Этот родезийский риджбек – статный, мускулистый, светло-рыжей масти – мой лучший друг, уж не знаю, был или есть. Пес небрежливый, сильный, храбрый. Во всех отношениях надежный. Предки его – так же как мои – охотились на львов и беглых рабов в Южной Африке или где-то там. И это стало темой наших долгих разговоров, едва лишь однажды вечером, когда все угощались у желоба, мы свели знакомство: дело было год примерно назад, я только недавно перестал выступать на ринге. Агилюльфо или кто другой из завсегдатаев – сейчас уж не помню – упомянул, что я в свое время был местной звездой, и Тео – прежде мы никогда не встречались – с любопытством уставился на меня.

– Ну и работенку ты себе нашел, – сказал он.

– Не хуже других, – ответил я. – По крайней мере, это лучше, чем танцевать на задних лапках в цирке. Или в полиции служить.

Он раздумчиво покивал, как бы оценивая мои слова, и все глядел на меня, а язык наполовину вывалил наружу как намек на любезную улыбку.

– Так или иначе, наш здоровяк недавно оставил это ремесло, – сказала Марго, лежавшая по другую сторону желоба.

Тео заинтересовался еще больше:

– Почему же?

Спрошено было спокойно, без намека на подвох и подковырку. Я пригубил, утер пасть и наконец сказал:

– В этом деле если вовремя сам не унесешь ноги, тебя унесут.

Он не сводил с меня глаз, размышляя над моими словами. Потом шевельнул ушами, как бы в знак согласия.

– Меня зовут Тео.

– Арап, – ответил я.

Мы соприкоснулись передними правыми лапами и продолжали молча выпивать. И тут на наш Водопой нагрянула свора – шесть драчливых псов, ищущих, с кем бы сцепиться, а также претендующих на внимание Сюзи. Однако начали они с меня.

– Это ты, что ли, тот самый бойцовый пес? – невежливо прогавкал один.

– Не помню.

– А я вот вспомнил тебя... Это тебя ведь, падла, кличут Арапом?

– А если даже и так, что с того?

– А то, что за тобой должок.

Вмешательство Марго, попросившей вести себя прилично, действия не возымело. Главарь заявил, будто в каком-то притоне я в бою суродовал, как он

выразился, его двоюродного брата. Кстати, вполне возможно – всех не упомнишь. Но дело в том, что эти шестеро были отпетые сволочи, шваль, сброд, годный только крыс душить, мусорные баки опрокидывать да нападать всей оравой на одного. Подонки собачьего общества.

– Да, парнишка... – напирал этот субъект. – Изувечил ты моего кузена. Живого места не оставил на нем. По твоей вине он кончил жизнь на дне колодца.

После третьей порции анисовой все шестеро принялись подзуживать друг друга, а потом ощерились, залились лаем и накинулись на меня. Шестеро же, скажу я вам – это многовато даже для профессионала. Я распорол брюхо одному, оторвал ухо и располосовал морду другому, а потом приготовился подороже продать свою шкуру, меж тем как остальные впивались мне зубами в колени и в шею, подбираясь к яремной вене. И явно собирались спровадить меня на тот свет.

– Да они ж его сейчас разорвут, шпана проклятая, – всполошилась Марго.

И тут Тео, который до этой минуты придерживался старинного и мудрого правила «не тебя... это самое – не подмахивай», а потому наблюдал за происходящим в отдалении, не суясь, куда не звали, пересмотрел свою модель поведения и зашел с козыря, бросившись ко мне на выручку. Ну, что тут скажешь? Помесь мастифа с филой бразилейро на пару с родезийским риджбеком – это очень серьезно, так что уже через мгновение с морд наших капала кровь, трое мерзавцев валялись на земле, а остальные, поджав хвосты, удрали.

– Даже выпить спокойно не дадут, – посетовал Тео, утирая морду.

И вот тогда-то, под одобрительным взглядом Марго – Агилюльо, присутствовавший тут же, держался на почтительном расстоянии, а ушами изображал букву V, время от времени изрекая какие-то суждения: по-древнегречески, думается мне, – мы с Тео и стали друзьями. Самыми лучшими, самыми близкими. Да, таковыми и оставались бы, не появившись в нашей жизни Дидо.

Когда взошедшая луна посеребрила воды канала, я прогавкал Марго «до скорого!» – Агилюльфо к этому времени уже удалился, выписывая нетрезвыми ногами кренделя и бормоча какую-то чушь, что, мол, отныне жить будет в бочке, – а сам медленно побрел к дому, если словом этим подобает называть амбар, который я сторожил.

Повторю сказанное: я не блещу умом. И даже не очень смекалист. И годы, проведенные на Водопое, не способствовали ясности мыслей – они порой мчатся у меня, как вихри. И все же надо быть тупым как конь... да нет, я ничего плохого не хочу сказать: эти четвероногие – славные ребята, но в смысле сообразительности незамысловаты, как дверная петля, да, так вот, надо быть тупым как конь, чтобы не понять, какая судьба ждет бойца, если он не сумеет оставаться на высоте. Либо он свинтит вовремя от своего хозяина, либо его убьют. И закопают где-нибудь.

Но, понимаете, я не из тех, кто сбегает. Не та порода – у нас свои правила и понятия. Хозяин есть хозяин. Плох он или ничего себе, но мой вот, к примеру, вытащил меня, одиннадцатимесячного брошенного щенка, из клетки, где я томился вместе с другими бродягами. И я перед ним в долгу. Однако люди не умеют хранить верность так, как храним ее мы. Особенно если речь идет о собачьих боях. Ясно представляя свое будущее, вернее, отсутствие его, я припомнил, что, как говорится, болезнь легче предупредить, чем вылечить, и, пока от прожитых лет и скопленной усталости не стал полной рухлядью, которой место на свалке, надо показать, что прок от меня может быть не только на ринге.

Повторяю, я не больно-то смысленый пес. Но недаром же гласит древняя мудрость, что собак жизнь учит, а не книги. И потому я рассудил верно.

Случай представился мне однажды ночью, когда пара двуногих попыталась ограбить амбар моего хозяина. Я спал невдалеке, то есть одним глазком спал, а другим все видел, потому что уже очень давно больше часа кряду спать не могу, и мне труда не составило перемахнуть через изгородь, одного злодея обратить в бегство, а другого, ощерив грозные клыки, от которых тот затрясся, будто самого дьявола увидел, – притиснуть к стене. При этом я оглашал ночь басовитым лаем – воу! воу! – покуда на шум не выскочил мой хозяин с бранью на устах и с бейсбольной битой в руках. Потом, верный своему обыкновению решать проблемы без вмешательства полиции, воришку он избил самолично, а меня наградил телячьей костью. Не кость это была, а просто мое почтение.

– Молодец, Арап, – сказал он. – Хорошая, хорошая собака.

И после этой памятной истории я, в преддверии скорой пенсии, если не тренировался перед боем или не сидел взаперти накануне, старался всегда быть наготове и пресекать подобные поползновения – и в конце концов хозяин убедился, что я могу пригодиться еще и в качестве сторожа или охранника. А потому, хоть я и начал давать слабину – намеренную и преувеличенную – и проигрывать схватки, удалось мне сохранить не только жизнь, но и ежедневную миску похлебки, а время от времени – и косточку, прививку от бешенства, свежую воду, возможность ночевать в амбаре и разгуливать по улицам в свое удовольствие, для чего надо было всего лишь перескочить через изгородь. Разумеется, с этого времени я мог вообще сделаться вольным бродягой, но говорю же: у собак моей да и вообще-то любой породы в генах заложены кое-какие правила и понятия. Да если бы и не было их, отвалить – значит искать себе пропитания на свалках и помойках, а в мои годы – восемь лет, для бойцового пса возраст почтенный, – еще и рисковать тем, что поскользнешься на банановой кожуре и загремишь в тот отдел муниципального собачьего приюта, откуда нет возврата.

Таким манером остался я при хозяине. Был пес бойцовый – стал сторожевой. И даже ошейник носил – толстую стальную цепь, спасавшую меня – вот ведь парадокс! – от собачьей каталажки, в отличие от брошенных или потерявшихся и не востребуемых бедолаг, которые оканчивали там свои дни, будучи виноваты лишь в том, что документов у них – как у горного кролика.

А я никогда больше не выйду на ринг Живодерни. Никогда! По крайней мере, я так считал.

· 2 ·

Все кобели – сексисты

На следующий день я отправился к дому той старушки, где жил Тео. На веревке полоскалось белье, однако под ним против обыкновения не было моего дружка. Сущего или бывшего. Я постоял у железной калитки, откуда вскорости вышла

старушенция. Тоже огляделась по сторонам, будто искала Тео, и двинула в супермаркет на угол.

А я, обуянный любопытством, – к реке: там, под мостом, мы с Тео, бывало, проводили целые часы, глядя, как идут по воде баркасы, как струится дым из фабричных труб на другом берегу. Иногда, развлечения ради погонявшись за чайками, которые поднимались вверх по течению и оказывались возле моста, мы потом снова валились наземь, отфыркиваясь и хохоча. Гляди, говорил мне Тео, гляди, какие у этих тварей острые клювы – прямо как ножи: только и смотрят, чего бы урвать. Терпеть их, сволочей, не могу. Нет, ты глянь, Арап, до чего ж подлые существа. Он их в самом деле ненавидел, хоть и на свой лад – насмешливо и спокойно. Наверно, это была детская травма – видимо, его, щенка, хотела когда-то клюнуть какая-нибудь чайка. Мне-то до них не было дела, но я любил поймать птичку и свернуть ей шею, пусть даже потом долго приходилось отплеиваться перьями. Да. В общем, это были физические упражнения. Люди играют в теннис или в гольф, а мы охотимся на чаек.

На нашем обычном месте почему-то никого в этот час не было. Странно это, думал я, задумчивой короткой рысцой возвращаясь по набережной к себе рядом со взмокшими от пота двуногими в коротких штанишках и кроссовках, бежавшими от инфаркта. Нет, в самом деле, очень странно. Тео был не из тех, кто так вот, за здорово живешь, отказывается от своих привычек. Наоборот, имелись у него веские причины хранить верность этому месту. А главную причину звали Дидо.

Мы с ней познакомились однажды утром, недалеко от моста. Это был фешенебельный квартал, не чета нашему. Особняки с лужайками и всякое такое. Ее выгуливала на поводке горничная – филиппинка, кажется. Они прошли мимо, а мы окаменели при виде этой немислимо изящной ирландской сеттерихи в красновато-золотистой шубке, которую в этот миг ерошил ветер, раздувая длинную шерсть на ушах. И, поверьте, это была не та кинодура, каких показывают в сериалах вроде «Леди и бродяга», и не та кинодива вроде знаменитой Лесси^[2] – «Леди и бродяга» (Lady and the Tramp, США, 1955) – полнометражный музыкальный мультфильм киностудии Уолта Диснея; Лесси – редкой красоты собака-колли, заглавная героиня рассказа, а после – романа «Лесси возвращается домой», написанного американским писателем Эриком Найтом. Первый фильм по книге был снят в 1943 году. Последний – на сегодняшний день – в 2020-м. Всего о Лесси было снято 6 телесериалов, включая два анимационных, и более двадцати полнометражных фильмов. Интересно, что

хотя по книге и фильмам Лесси – сука, во всех фильмах ее играли кобели – потому что они крупнее, выносливее и не так линяют.] – ну, чтоб вы поняли. Дидо была исключительным, просто образцовым экземпляром. До того хороша, что, казалось, асфальт плавится от одного движения ее хвоста, и с первого взгляда было видно – она это знает. Они, сучки, всегда это знают.

Одно из наших преимуществ в том, что, в отличие от двуногих, мы не обязаны соблюдать политкорректность. Можно не заморачиваться. Вот взять обезьян: целыми днями чешут, простите, тешат они похоть свою в одиночку или в виде супружеских обязанностей – а дети в восторге глядят на них из-за прутьев решетки в зоологическом саду, а родители только похохатывают. Иными словами, мы, животные, свободны от разнообразных предрассудков. Никто нас не пристыдит и не усомнит, а когда инстинкты берут верх, всегда можно свалить на то, что мы, как говорят люди, твари неразумные. Так что дают нам поблажки. Потачки, так сказать. После таких предувещаний вы не удивитесь, узнав, что при виде Дидо – мы вскоре узнали, как ее зовут, – мы с Тео разом замерли, а потом приветствовали ее синхронным «вау-вау-вау!». Дескать, так и съел бы тебя, красотка, вместе с антиблошиным ошейником... Боже, до чего же ты хороша... Боже, как я тебя хочу... И тому подобное. Скажи такое на улице мужчина женщине, он через полчаса уже сидел бы в участке. Но мы, по счастью, не люди. Кобели, одно слово. Сексисты. Мало сказать! И тем горды.

Но Дидо, говорю же, была самка до мозга костей. И приняла наши комплименты как должное, глазом не моргнув.

– Это все вы вдвоем намереваетесь проделать? – спросила она уверенно, учтиво и весело.

– Надо будет – на подмогу ребят позовем, – ответил Тео, который за словом в карман не лез – вероятно, за отсутствием оных.

Мимолетный взгляд, которым окинула нас Дидо, был исполнен такого пренебрежения, словно она смотрела на кучку дерьма, только что наваленную кошкой – и к тому же шелудивой.

– Ну да, я так и подумала, – сказала она. – Сами, боюсь, не справитесь. Говорить-то вы все мастера, а как до дела дойдет...

Мы потеряли дар речи, а она удалилась со своей филиппинкой. С величавостью богини помахивая хвостом.

Я размышлял об этом, покуда бежал по набережной. Размышлял об этих двоих – о Дидо и Тео и о том, какая незавидная роль выпала мне в этом треугольнике. После того, первого раза, мы с Тео бродили вокруг ее дома – особняк за оградой, садовники, три автомобиля у ворот. Поначалу Дидо не баловала нас появлениями: выходила к решетке в строго отведенное время, играла с мячиком, будто нас и не было. Но однажды выбралась наружу, воспользовавшись тем, что посыльный из магазина принес какие-то пакеты. Мы с Тео улеглись под деревом на другой стороне улицы, а Дидо медленно направилась к нам. Нимало не смущаясь.

– Хотелось бы выпить чего-нибудь, – сказала она.

– Чего, например? – осведомился Тео.

Она с полным спокойствием оглядела нас.

– Удивите меня.

– И сильно удивить?

– Там видно будет.

Тут мы, само собой, повели ее к Водопою. И это сильно повысило наш престиж среди тамошней братии. При виде золотисто-рыжей ирландки Агилюльфо наострил уши и принялся цитировать какого-то Данте про какую-то Беатриче, меж тем как Марго сверху донизу оглядывала гостью с тем кислым видом, какой умеет напустить на себя только сука, когда она разбирает по косточкам стати другой суки.

– И чем же тебя угостить, красотка?

– Тем же, чем и этих двоих.

Марго окинула нас критическим оком.

- И откуда только вы, ребята, вытащили эту Барби?

- По правде говоря, это она нас вытащила.

С важным видом подошел Фидо – немецкий овчар, служащий в полицейском участке. Парень неплохой, но малость твердолобый. И не так чтоб уж кристально честный. В случае надобности ничего не стоило подкупить его – то костью от хамона, то дешевой конфеткой, уворованной у зазевавшегося ребятенка. В общем, он придерживался принципа «Живи и давай жить другим».

- Ты что – не местная?

- Это бросается в глаза, – ответила Дидо, оторвавшись на миг от желоба.

- Ну-ка, ну-ка, дай-ка взглянуть... – и он осмотрел ее ошейник, убедившись, что все в порядке. Привита и от бешенства, и от всего прочего. Указаны даже ее кличка и адрес.

- Если решишь посадить ее, меня кинь в ту же камеру, – сказал Тео.

- И меня, – добавил я.

Фидо глядел растерянно, не зная, то ли разозлиться, то ли принять за шутку. Я же сказал, что, как и положено полицейскому, он был не очень смекалист. Но службу понимал не хуже Рин-Тин-Тина[3 - Немецкая овчарка (1918-1932), прославившаяся исполнением ролей в нескольких голливудских фильмах.]. В задумчивости он почесал морду.

- Негоже приличной барышне разгуливать в такой час в таком квартале.

- Спокойно! – вступился Тео. – Она – со мной.

- И со мной, – встрял и я.

Дидо посмотрела на нас и спросила ехидно:

- Вы вообще все делаете на пару?

- Почти все.

- *Amicitia lucet aequales*, - сообщил Агилюльфо. - Как сказал Цицерон, «Дружба осеняет равных».

- Равны во всем, во всем? - спросила Дидо, не сводя с нас глаз.

Мы доказали ей это попозже, под нашим мостом. Уже вечерело, и в лиловатом свете заката мы, как принято говорить, «не комплексуя», трахнулись. Говорил и повторяю: Дидо была настоящая секс-бомба. Мало того что красива, но еще и бесконечно уверена в себе. И знала, на что идет. И есть тут еще одна подробность, которая говорит красноречиво не только о ней, но и о том, какой был Тео и какой - я. Мы начали облизывать ей уши, и оба изготвились прожарить ее, а Дидо, урча от наслаждения этим трио, предоставила нам себя. И тут вот поверх ее головы Тео глянул на меня, как он умел - со спокойной насмешкой сообщника, будто говоря: «Давай, товарищ, иди первым». И едва лишь я пристроился, обхватив Дидо передними лапами за бока, кольнуло меня нежданное угрызение совести. Возникла перед глазами картинка, вечно не дававшая мне покоя, - новорожденные щенята, брошенные в мусорный бак. И всякое такое, ну, сами понимаете.

- Залететь не боишься? - спросил я.

- Дурак, я стерилизованная.

Вот, кажется мне, с этого мига я и начал терять ее - терять, еще толком не заполучив. Пренебрежительный тон Дидо и глумливый взгляд Тео в очередной раз напомнили мне, что джентльменам суки неизменно предпочитают шпану. Окончательная ясность придет ко мне чуть попозже, когда Тео кончит. Пока же я - торопливо и неуклюже, потому что верзилы вроде меня всегда неловки в обращении с дамами, - влез на Дидо, которая свела свое участие в процессе к тому, что стояла смирно, в такт сгибая и разгибая задние лапы. Подчинялась, но - не более того. Зато когда меня сменил Тео со своими хулиганскими ухватками, со своей гадкой улыбочкой - язык высовывается между клыков, - вытянула шею,

изогнулась и принялась страстно покусывать его, заходясь при этом в истошном лае. Вот уж точно – завывала как сука в поре.

В нерешительности я остановился перед домом Дидо. Потом пересек улицу – причем меня чуть не сшиб автомобиль, несшийся как угорелый, – и подошел к ограде. Гавкнул дважды: один раз – коротко, второй – протяжно, нашим давним сигналом сообщив о своем присутствии. И вот наконец появилась Дидо. Ее, должно быть, недавно выкупали, потому что шерсть казалась особенно мягкой и шелковистой. От нее приятно пахло шампунем «Клин Дог», и вся она, включая трюфель носика, сияла чистотой. Мне захотелось сунуть морду меж ее задних лап – и умереть там.

– Тео пропал, – выпалил я без предисловий.

– Знаю, – ответила она. – Две недели уже не видела его. Хотя с ним такое частенько бывает. Испарится куда-то бесследно, а потом возвращается с улыбочкой и нюхает у тебя под хвостом, как ни в чем не бывало.

– Он ушел вместе Красавчиком Борисом, знаешь такого?

– Знаю. Он живет в конце этой улицы.

– Ну, так вот, оба исчезли. Бориса ищут, расклеили объявления. А до Тео, само собой, никому дела нет.

– Тебе-то есть, как я посмотрю.

– Мы же с ним друзья.

– Друзья.

Она потрянула головой, взметнув длинную шерсть на ушах.

– Будь так добр, держи меня в курсе. Ты на Водопое бываешь по-прежнему?

– Конечно.

– Если узнаешь что-нибудь – дай мне знать.

Я молча кивнул. Дидо просунула морду между прутьев ограды и внимательно оглядела меня.

– В последнее время вы с ним мало разговаривали, да?... Он мне так сказал.

– А что еще он тебе сказал? – спросил я, силясь сохранять спокойствие.

– Сказал, что вы как-то отдалились друг от друга. Из-за меня.

– Не из-за тебя, – я вывалил язык между клыков. – Ты-то здесь при чем? Ты – собачка вольная.

Она продолжала внимательно разглядывать меня.

– Тео... знаешь, он какой-то особенный пес... Не похож на всех прочих... Стоит ему лишь лизнуть меня, как он умеет, у меня ноги подкашиваются.

– Меня это не касается.

– Мне очень жаль, Арап... Правда. В конце концов, мы – животные. И есть такое, где нас ведет не разум, а инстинкт. Тео...

Я отпрянул от ограды.

– Прощай, Дидо. Еще увидимся.

– Погоди... – она придержала меня зубами за ошейник. – Ты – славный пес, Арап. И достоин хорошей подружки.

– Почему ты знаешь, чего я достоин?

– Тео рассказал мне твою историю. О боях насмерть... Чудо, что ты выжил.

- Трепло твой Тео.

- Знаешь, он очень любит тебя. И сказал мне как-то, что, мол, единственная помеха нашему с ним счастью – это боль, которую мы причинили Арапу.

Люди пожимают плечами, демонстрируя безразличие, а я махнул хвостом.

- Не важно. Предпочла бы ты меня – больно было бы Тео.

Она призадумалась на миг, помотала головой.

- Чего-то я сомневаюсь, что ты пожертвовал бы дружбой ради меня, а? Скорее бы отказался, разве не так?

- Этого мы уже никогда не узнаем, – ответил я.

И пошел прочь.

В тот же день, но попозже, среди наваленного грудями мусора, который никто не убирал, я допросил Сюзи, потаскушку с проезда Рата. И поначалу не узнал ничего нового. Она тоже в последний раз видела Бориса и Тео перед их исчезновением.

- Шли спокойно, бок о бок. Ничего необычного – были такие, как всегда. Я им гавкнула – не хотите ли, дескать, мальчики, отдохнуть, но они и ухом не повели. Тео рассеянно улыбнулся мне – так, слегка. А Борис даже не взглянул в мою сторону, шел, отставив и напружив хвост в своей манере... Я еще подумала: «Ах, ты, воображала, куколка из дерьма, баловень, строит из себя тут невесть что, понимаешь... Чтоб тебя, думаю, мусорный фургон переехал!»

- Не припомнишь ничего такого, что бы мне пригодилось?

Сюзи, рывшаяся в разодранном пакете с отбросами, на миг прервала свое занятие и задумалась. Чуть поодаль, устроившись меж мешков с мусором, пялили на нас красные злые глазки две крысы.

– Да нет вроде бы... – сказала она, а потом, помолчав в сомнении, вскинула голову. – А вот на следующий день я слышала, как об этом толковал кто-то из дружков Текилы.

Я наострил уши – их мне обрубали, хотя и не слишком сильно, готовя к боям в былые времена, – потому что Текилой прозвали мексиканскую эмигрантку – собаку непригодной породы ксолоитцкуинтли. Та еще стерва. Тварь опасная и бессовестная. Ее шайка бродячих псов контролировала весь оборот костей и мясных обрезков на другом берегу реки, возле нового моста.

– Какой именно?

– Один из ее охранников: такой приземистый, коренастый боксер-полукровка со светлым пятном вокруг одного глаза. Он подкатился ко мне внаглую, а я для затравки спросила, знает ли он такого Красавчика Бориса. Сперва он придурился, делал вид, что не понимает, о чем речь, а потом сказал так: «Как порботает спарринг-партнером, его и родная мать не узнает».

При этих словах у меня во рту пересохло.

– Он так сказал?

– Этими самыми словами.

– Он произнес слово «спарринг»?

– Ну, говорю же.

– А про Тео – ничего?

– Ничего.

Я погрузился в размышления, и были они безрадостны. И показалось даже, что небо над городом потемнело. Тут я обнаружил в мусоре заветренный ломтик жареного сала очень соблазнительного вида. Сюзи глядела на него с вожделием, но претендовать не решалась.

– Спасибо, – сказал я.

И лапой придвинул угощение ей. Она поглядела на меня удивленно, а потом с удовольствием смолотила.

– Ты – настоящий рыцарь, – сказала Сюзи, с довольным видом виляя хвостом. – Не хочешь ли пошалить немного перед уходом?

И очень непринужденно развернулась ко мне кормой. Я качнул головой:

– В другой раз как-нибудь.

– Ладно. Захочешь – знаешь, где меня найти.

– Да уж знаю. Береги себя, Сюзи.

– И ты, чемпион.

Мне было приятно, что она назвала меня так. Ерунда, конечно, но давно я такого не слышал. Давно уж, очень давно все снова называют меня просто Арапом.

Я все ворочал в голове эти тягостные мысли, когда перед новым мостом произошла неприятная встреча.

Доберман Гельмут с двумя приятелями лежал на тротуаре перед книжным магазином своего хозяина. Магазин называется, кажется, «Убер Аллес»[4 - «Убер Аллес» (?ber Alles) – превыше всего (нем.).] и торгует в основном книгами о Второй мировой, биографиями какого-то Гитлера, который вроде бы уж давно окошел, – и прочим подобным добром. Покупатели тут все как на подбор – бритоголовые, в армейских ботинках и пилотских куртках. Поскольку время от времени происходит мордобой, туда регулярно приезжает полиция. Гельмут, как я сказал, принадлежит владельцу, а двое других – еще один доберман и бельгийская овчарка – его клиентам или друзьям. Все трое были привязаны к фонарному столбу, поскольку склонны искать приключений на собственную задницу и устраивать драки. Кто другой обошел бы их сторонкой, перейдя на другую сторону или вообще убравшись в другой квартал. Но кое для кого такое

невозможно. Репутация важнее всего прочего. Так что не пристало мне сворачивать с дороги из-за неонацистского пса. Или даже троих. Я сворачиваю, только если грозит встреча с козлами двуногими в зеленых фургонах – муниципальными собаколовами. Тут гляди в оба, потому что эта встреча тебе обойдется чересчур дорого. Но в тот день их было не видеть.

– О-о, Арап, какая встреча! Ты – и в наших краях!

Гельмут, заметив меня, поднял голову. Я остановился как раз в той точке, до которой дотягивался его поводок. И даже чуть ближе. Нашли чем пугать.

– Как дела, Гельмут?

– Сам видишь – идут.

– И неужто ни одна еврейская собака тебя пока не порвала?

Гельмут, осмысливая услышанное, уставил на меня свои желтые свирепые буркалы. На ошейнике рядом с жетончиками прививок я заметил свастику. Он был малость глуповат. Я говорил негромко, спокойно, глядя прямо на него и так, чтобы ему были видны мои клыки. Через миг Гельмут обернулся к овчарке.

– Слышал, Дегрель?... Арап сегодня решил пошутить.

– Но у него ни пса не получилось, – проворчал тот.

Второй доберман рвался с поводка, нагло лез на рожон. Был он тощей такой, нервный, с вытянутой, опасной мордой.

– Наверно, ищет, кто бы его поучил, – прогавкал он.

Я медленно развернулся в его сторону, открывая ему всю панораму, которую предъявляет пес, когда желает, чтобы его не трогали, – уши торчком, губы растянуты, клыки оскалены, взгляд пристальный, тело напряжено и хвост упруг.

– Ищу, – сказал я.

Доберман, наверно, уловил смысл моего высказывания, потому что закрыл пасть и перестал натягивать поводок. Гельмут насмешливо покосился на приятеля:

- Никогда ничего не начинай, если не уверен, что сумеешь докончить, Генрих. Особенно - если имеешь дело с Арапом.

- Ладно, еще повстречаемся, - пообещал Дегрель. - И без поводка.

Желтый взгляд Гельмута скользил по мне с любопытством.

- Это же не твой квартал... Может, чем помочь тебе?

Я посмотрел на него с сомнением. Эта коричневая зверюга опасней, когда любезничает, чем когда угрожает. Но, впрочем, я рассудил, что ничем не рискую, если отвечу.

- Я ищу Текилу и ее приспешников.

- А-а, мразотную сучку - подпольную торговку?

- Ее самую.

Гельмут переглянулся со своими спутниками.

- Редкая сволочь. Эти эмигранты наезжают к нам и ведут себя как дома. Шваль уголовная, все до единого... Подонки. И всем наплевать. Европа катится в задницу, и никому ни до чего нет дела.

- Нам есть! - возмущенно гавкнул Дегрель.

Гельмут кивнул так энергично, что закачалась висюлька-свастика на ошейнике.

- В критические моменты истории, - сказал он, - всегда находится отряд дисциплинированных псов, которые спасают западную цивилизацию.

Дегрель зааплодировал ушами:

- Аминь!

- Подобно нашим пращурам, служившим в Аушвице.

- Или в Дахау.

- Нет уже таких псов в наше время...

- Ни псов, ни сук.

- Честь им и слава.

Все трое вытянулись и вскинули правые передние лапы. Хватит с меня, подумал я и пошел своей дорогой вниз по улице.

· 3 ·

Бывают самочки опасны

Нелегко оказалось проникнуть в логово Текилы. К заброшенному гаражу, где обосновалась мексиканка, вел узенький проход, охраняемый двумя бегемотоподобными и страховидными пиренейскими мастифами – черным и белым.

- Передайте Текиле, что я хочу ее видеть.

- А ты что за хрен такой с горы?

- Делай что говорят.

Один из мастифов мордой подтолкнул меня к стене, расписанной граффити, а второй пошел докладывать. И вскоре меня пропустили. Текила возлежала в гараже на груде покрышек. Свет не видывал более уродливой твари.

Совершенно голая, если не считать гривки между ушей – чистокровная ксолоитцкуинтли, которых разводят у них на родине как некую диковину: они все прямые потомки собачек, служивших древним ацтекам или еще каким-то тамошним племенам, а потому ценятся они очень высоко. Рассказывали, будто Текила сбежала из столицы, добралась пешком до Веракруса, а оттуда на контейнеровозе зайцем приплыла к нам в Испанию. Она была на редкость сообразительна и безжалостна, так что уже через год стала верховодить в этой части города. Стала боссом боссов. Настоящее ее имя – Лупе – забылось, она стала именоваться теперь Королевой Текилы, а группа «Северные Кабыздохи» сложила про нее песенку, где были такие слова:

Бывают самочки опасны

Ничуть не меньше кобелей,

Пускай на вид они прекрасны,

Но зубки щерят злого злей.

Она взглянула на меня безо всякого интереса. С одного боку стоял охранник – метис боксера, тот самый, о котором, судя по светлым пятнам, и толковала Сюзи, а с другого – старый и очень тощий испанский борзой с вытянутой, как положено, мордой и смышленными глазами, исполнявший обязанности секретаря, советника или еще кого-то в этом роде. В глубине гаража ошивалось еще полдюжину собак разных пород и мастей. И у всех был вид брошенных, с трудом выживших, всем обязанных Текиле, а потому – по первому ее слову готовых ринуться доставлять запрещенный товар, или мошенничать и плутовать, или просто рвать кого-нибудь в клочья. Общество тут собралось, прямо скажем, не очень симпатичное, тем более что встретили меня недобрыми взглядами.

– Чего надо? – без предисловий осведомилась Текила.

– Друзей своих ищу.

– О, как... А сюда-то тебя зачем занесло?

Я покосился на боксера – широкие, выгнутые лапы, крепкие плечи, мутный взгляд. Плотный, как мясная туша, и чувств примерно столько же. Интеллектом явно не блещет. Если дела пойдут не так, первой атаки надо ждать от него.

Испанский борзой меж тем не сводил с меня оценивающего меланхоличного взгляда.

– Кто-то из твоих говорил о них.

Текила посмотрела на меня недоверчиво:

– Кто говорил? Кому говорил? О чем говорил?

– Не важно, кто и кому, – отвечал я спокойно. – А вот о чем, вернее, о ком – важно. Одного из них зовут Тео, он мой друг. Рыжий родезиец. Может, тебе прогавкали о нем что-нибудь?

– Может, и прогавкали. Но я все равно не понимаю, как это вяжется с твоим появлением здесь.

– Я ищу его. Он пропал вместе с еще одним псом, с Красавчиком Борисом.

Борзой испанец повернулся к ней, и они переглянулись. Потом Текила яростно почесала загривок задней ногой. В этом гараже, подумал я, примиряясь с неизбежностью, блохи, наверно, кишмя кишат.

– И что же сказал один из моих парней?

– Он произнес слово «спарринг».

Я старался не смотреть в сторону боксера, но все же заметил, что он заерзал на месте. Это не укрылось и от внимания Текилы, пославшей ему злобный взгляд.

– Это значит... – добавил я.

– Сама знаю, что это значит, – оборвала она.

И вопросительно взглянула на борзого, а тот медленно наклонил голову в безмолвном одобрении.

- За бесплатно только птички поют.
- За хорошие сведения – заплачу.
- Да лучше в целом свете не найдешь, дурень.
- Тогда – заплачу. Беспрекословно.

Она взглянула с насмешкой:

- Чем? Чем ты заплатишь?
- Не знаю. – Я задумался на миг. – У меня всего имущества – ошейник.
- Ошейники надевают на рабов, – сказала Текила презрительно.
- Может быть, – согласился я. – Но на нем висят такие штучки, которые могут спасти от живодерни.

Теперь она осмотрела меня с ног до головы, словно оценивая, и наконец вымолвила.

- И все равно – ты вроде бы не из хозяйских псов.

Я безразлично махнул хвостом:

- Каждый устраивается как может.

Мы еще немного поиграли с ней в гляделки.

- А ты бы что предложила? – спросил я наконец.

Текила задумалась. Потом взглянула на своего советника и ощерила клыки – мелкие, желтые и гнилые – в довольной улыбке. А я спросил себя, какой именно пакости она от меня потребует.

- Как тебя зовут?

- Арап, - опередил меня борзой советник.

А я поглядел на него с любопытством: откуда это он меня знает?

- Это который бойцовый пес? Был чемпионом, а потом ушел или его ушли?

- Он самый.

- Ну, надо же...

Они долго рассматривали меня: боксер пялился, борзой был задумчив, голая мексиканка забавлялась от души. И наконец спросила:

- Знаешь супермаркет возле моста?

- Знаю.

- Там в глубине - мясной отдел. И там всегда до чертовой матери отличных отбивных и антрекотов. Притащи мне добрый кус мякоти - и мы потолкуем о спарринге и о чем хочешь. Расскажем и о твоём дружке, и о втором тоже.

Я размышлял секунд пять. Хотя размышлять тут было особенно не о чем.

- Ладно.

- Мякоть, запомнил?

- Ясно. Она сочней.

Сучка эта рассыпалась довольным хохотком. И подбородком показала на меня боксеру и борзому:

- Вот, вашу мать, учитесь. Настоящий боец. Не рассусоливает.

Все получилось проще некуда – левое вышло дело. Я остановился в дверях супермаркета и заглянул внутрь. У входа, привязанная поводком к велосипеду, ждала хозяина маленькая собачка, которая поглядела на меня с любопытством и сказала надменно:

– Я бы на твоём месте не торчал здесь. Того и гляди, приедут люди в зелёном таком фургоне, а они не любят, когда собаки гуляют сами по себе.

Я взглянул повнимательней. Это был кобелек йоркширского терьера, чистенький и ухоженный, с шелковистой кудрявой шерсткой, очень весь такой вылощенный и стильный. Такие обычно передвигаются у хозяйки на руках, а спят на диванных подушках. На темени у него был даже завязан бантик, чтобы шерсть не лезла в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Агилюльо – поденко (podenco), то есть относится к старинной испанской породе охотничьих собак. Хотя Международная кинологическая ассоциация (МКФ) поместила поденко в группу «Шпицы и породы примитивного типа», эти высокие, легконогие, до худобы изящные собаки соединяют в себе черты борзых и гончих. Спор – относить ли собак породы поденко к борзым или гончим – занимает специалистов уже не одно столетие и даже нашёл своё отражение в басне «Два кролика» выдающегося испанского поэта и комедиографа Томаса де Ириарте (1750–1791).

2

«Леди и бродяга» (Lady and the Tramp, США, 1955) – полнометражный музыкальный мультфильм киностудии Уолта Диснея; Лесси – редкой красоты собака-колли, заглавная героиня рассказа, а после – романа «Лесси возвращается домой», написанного американским писателем Эриком Найтом. Первый фильм по книге был снят в 1943 году. Последний – на сегодняшний день – в 2020-м. Всего о Лесси было снято 6 телесериалов, включая два анимационных, и более двадцати полнометражных фильмов. Интересно, что хотя по книге и фильмам Лесси – сука, во всех фильмах ее играли кобели – потому что они крупнее, выносливее и не так линяют.

3

Немецкая овчарка (1918–1932), прославившаяся исполнением ролей в нескольких голливудских фильмах.

4

«Убер Аллес» (?ber Alles) – превыше всего (нем.).

Купить: <https://telnovel.com/arturo-peres-reverte/boevye-psy-ne-plyashut>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)